

Мануэлла

Мой благоверный

УДК 82-3
ББК 84-4
М24

Мануэлла

М24 Мой благоверный / Мануэлла. – М.: Литнет, 2026. – 258 с.

ISBN 978-5-521-99395-6

Он – богатый граф, она-незаконнорожденная дочь обедневшего баронета, к тому же, вынужденная растить свою маленькую сводную сестру и мальчишку, которого приютила из жалости.

Они встретились лишь раз – в его доме. Да и тот раз обернулся для нее позором. Девушка мечтала забыть их встречу как страшный сон. Но сама судьба уже решила все за них.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99395-6

© Литнет, 2026

© Мануэлла, 2026

Глава 1

– О, мой Бог, Эдвин – леди Селеста Уинтроп, эффектным жестом поведя плечиком, упала на руки своего любовника, Эдвина Блекуорта, графа Соммерсби, – эти люди совсем дикие! Ты видел, как они одеты, как ведут себя, какие маленькие и ужасные их лачуги! – она с негодованием топнула ножкой, не забыв при этом надуть губки так, как тысячу раз репетировала перед зеркалом – чтобы они выглядели пухлее и соблазнительнее – а этот их говор! Большинство из них знает английский, но предпочитает говорить на своем ужасном наречии!

Эдвин Блекуорт, молодой красивый мужчина, которому волей судьбы, уготовившей его дяде смерть в далёкой Индии, был дарован титул графа и обширные угодья, окинул взглядом небольшой городок в Уэльсе, куда он приехал, чтобы вступить в наследство и этими землями. Да, действительно, здесь – не шик и блеск Лондона. Правда, природа завораживает...

– Ничего, зато местные девушки очень даже ничего! – хохотнул его старый приятель, такой же беспашашный повеса, сэр Джон Прентси. Третий сын богатого лорда, он знал, что титула ему не видать, зато денег – вдоволь. И при этом не нужно покупать патент или выбрать карьеру священника. «я полностью посвятил свою жизнь разврату» – любил говаривать Джон. Вот и сейчас он лишь оправдывал свой девиз, бесстыже глаза на хорошеньких девушек, что шли с корзинами с рынка – Да, уж я бы научил их паре английских фраз... – мечтательно протянул он – чему-то вроде «о, ещё, ещё» или «сильнее, милый, сильнее»!

Леди Селеста, залившись мелодичным смехом, в шутку стукнула Джона веером:

– Бесстыдник! – она игриво окинула его глазами, будто заново открывая для себя, и нашла, что он весьма недурен. Стоит пригла-

сидеть его в свою спальню, если Эдвин все же решит устроить прием, и дом будет полон гостей. Пока он станет исполнять роль щедрого хозяина, они с Джоном исполнят пару затейливых поз из одной весьма занимательной книжки, купленной недавно на черном букинистическом рынке. Ну а что, при таком старом брюзге как ее муж, она имеет полное право на всякого рода развлечения!

Дом, который тоже являлся частью наследства, оказался большим и довольно красивым. Его содержали в заботе – видимо, дядя все же жил здесь время от времени, между своими путешествиями. Что же, весьма неплохо – подумал Эдвин. Сейчас нужно решить вопросы с устройством гостей, которых вместе с ним прибыло 6 человек – два его друга и леди Селеста с горничной и подругой, такой же любительницей амурных приключений, супруга подчинённого генерала Унтропа, мужа Селесты, леди Луизой Биксли. Правда, если Селеста была живой и хорошенькой, то леди Биксли была уже в годах и более приземленной – все чаще ее живейший интерес вызывал список блюд на обеде или меню вечера, что сказывалось на ее довольно плотной фигуре. Эдвину иногда казалось, что Селеста таскает за собой слабохарактерную Луизу, ибо с ней могла не бояться конкуренции, да и на фоне той красота и молодость Селесты сияют ещё ярче.

Взрыв смеха донёсся из кареты, где ехали Луиза, горничная и Гордон Кэррид, ещё один приятель Эдвина. Девушки, что шли по улице, испуганно оглянулись и ускорили шаг. Эдвин приказал кучеру поторопиться, а сам вплотную занялся Селестой, усадив ее к себе на колени. Та совершенно не стеснялась Джона – наоборот, лаская Эдвина, распутница с вызовом поглядывала на Джона, придя в восторг от того, что ей удалось смутить такого повесу

Глава 2

В шахтах опять произошел несчастный случай – Шарлотта Прескотт, сидя у окна своего крохотного дома, увидела, как мужчины с черными от угля лицами и одеждой, несут на руках старика, что стонал от боли. Правая рука его была вся в крови. Девушка спешно вскочила, велев быть умницами пятилетней сестре, Мегги и Фредди, десятилетнему мальчишке, которого три года назад она нашла под навесом у платной конюшни, избитого и голодного – родители его умерли, а дядя, что жил в соседней деревне, считал лишним ртом и срывал злость на мальчике. Когда сердобольный священник вызвался поехать в ту деревню, чтобы поговорить с родными мальчика, то дядя захлопнул дверь перед его носом, рывкнув, что слышать не хочет ничего об этом щенке. Шарлотта же, выйдя мальчишку, так и оставила его у себя, любя не меньше, чем сестру.

Ну а теперь нужно помочь бедняге-шахтеру – даже доктора в деревне больше не было! Он переехал-с тех пор, как рабочим сократили жалованье, к нему обращались все реже и реже. Теперь его функции на себя взяла миссис Латимер, супруга священника. Но ее познания в медицине ограничивались касторкой и бинтами, которые она пыталась применить при любом удобном случае.

Девушка, держа в руках нехитрый скарб – корзинку с травами, мазью и снадобьями, а также старую простынь – на перевязки, вбежала в дом священника. Дверь была открыта, в холле стояли, переминаясь с ноги на ногу, чумазые мужчины – они не решались пройти дальше, боясь испачкать ковры и мебель. Из гостиной вышла пухленькая живая миссис Латимер:

– О, милая, как хорошо, что вы пришли! – всплеснув руками, она ухватила Шарлотту за руку, увлекая ее за собой в гостиную – Ступайте на кухню, господа. Пегги накормит вас.

Жена священника всё ещё хранила манеры, присущие великосветской леди – она происходила из семьи обедневших дворян. Муж-

чины, затараторив, попрощались, и вышли из дома к пристоенной небольшой летней кухне, где их уже поджидала старая Пегги – женщина была очень дальней родственницей Преподобного Латтимера (иногда он и вовсе сомневался, была ли), и жила в их доме из милости – однажды, после службы, она осталась в церкви. Святой отец подошёл к ней, разговорившись. Оказалось, что ей некуда идти – ее дом по закону после смерти мужа отходил дальнему родственнику, мужчине. А того небольшого дохода, что оставил ей покойный, еле хватало на жизнь, не говоря уже о простой аренде дома.

Старый Пит чертыхнулся, когда Шарлотта вправляла ему руку. Миссис Латтимер сурово взглянула на него, но ничего не сказала. Наконец, рука была в гипсе и шиной, Шарлотта удовлетворенно наблюдала за плодами своего труда. Пит, крикнув, неловко сполз с дивана, поправив старенькое покрывало, которым накрыли диван чтобы он не испачкал обивку:

– Благодарствую, леди – это проклятое слово, даже прозвище, приклеилось к ней с тех пор, как все узнали, что ее отцом был какой-то баронет. Но он так и не женился на ее матери, и та, побыв некоторое время его содержанкой, была вынуждена вернуться в родную деревню, с 7-летней дочерью на руках. Правда, потом отец оплатил школу-пансион для Шарлотты, где ее научили читать, писать, музицировать и ещё многому, что нужно настоящей леди. Вот только как музицирование поможет сажать картошку? Или как поэмы Байрона улучшат надои? Шарлотта горько усмехнулась – знал бы отец, как живут сейчас его дочери. Но он умер, умер три года назад, его тонкая аристократическая натура не вынесла ужасов долговой тюрьмы, куда его поместили после конфискации всего имущества и лишения титулов.

– Ну, что, милая – пойдёте пить чай – голос Оливии Латтимер вырвал ее из тяжёлых раздумий.

– О, нет, миссис Латимер, благодарю. Мне нужно идти домой, дети ждут.

По дороге к дому она встретила соседку, Селию Кремсби с ребяташками. Один из них, девятилетний Оливер, был весь черным от ... О, Господи!

– Селия, неужели Оливер работает в шахте?! – догадка, пронзившая мозг Шарлотты, не была очень уж необычной – некоторые семьи были вынуждены отправлять своих детей работать в шахту. Кто – потеряв кормильца, а кто – не в силах прокормить всех детей. Да что там говорить – иногда в шахте работали и беременные, одна из таких женщин, Дансби Морроу, даже потеряла ребенка на седьмом месяце, едва не погибнув сама – угольная пыль, оседавшая в лёгких, довела ее до выкидыша.

Селия, опустив глаза, тихо ответила:

– Да, Шарлотта. Ты же знаешь – Винфорд недавно сломал ногу, и теперь... теперь Оливер работает вместо него.

Чумазый Оливер стоял, выпятив грудь – он был горд тем, что работает словно взрослый. Мальчик не понимал, что ужасные условия труда вкупе с опасностью, таящейся внизу, в забое, очень скоро сделают его инвалидом.

«Господи, должен ведь быть выход» – Шарлотте хотелось плакать! Дети, несчастные дети, лишённые детства. Лишённые возможности нормально учиться (те несколько раз в неделю, что они с миссис Латимер проводили уроки в воскресной школе, посещало не слишком много детей. Родители, не видя смысла в образовании, оставляли малышей дома, помогать по хозяйству или сидеть с младшими. Некоторых, как Оливера, отправляли работать).

Она, с одобрения отца Латимера, мудрого и справедливого человека, не раз пыталась провести собрания, где старалась объяснить людям, что они могут бороться за свои права. Что старый граф, потворствуя своим прихотям, нещадно обирал и их, и их землю. Но жители боялись потерять и те крохи, что у них были. Да и то, что она была женщиной... Некоторые мужчины поддерживали ее, другие же не желали даже слушать, пересмеиваясь, что им женского нытья и дома хватает.

Шарлотта, грустно вздохнув, потрепала двухлетнюю малышку Хетти, сестрёнку Оливера, по кудрявой голове:

– Селия, отправь ко мне Оливера вечером, я поделюсь с вами кое-какими запасами – и, чтобы не уязвить и без того уже израненную гордость женщины, добавила – нам с Мегги и Фредди много не съесть, а жаль будет, если испортится.

«Господи, ну почему все так несправедливо?» – думала Шарлотта по дороге домой. Она помогает нескольким семьям, она с удовольствием бы платила зарплату и Оливеру, наняв его на маленькие поручения по дому, но у нее нет денег – тот небольшой вклад, что остался от денег, оставленных ей и Мегги их отцом, таял на глазах. Скоро и она должна будет пойти в услужение, она давно присматривала себе работу гувернантки, но кто пожелает взять гувернантку с ребенком, да ещё и без рекомендаций? А то, что эта гувернантка училась в одной из самых лучших школ для леди в Великобритании – это и вовсе выглядело как прощальный подарок от практичного любовника. О клейме незаконнорожденности же и вовсе говорить вслух не стоило. Таких бедняжек изредка брали к себе сердобольные родственники, выдавая за дальнюю родню, либо девушки шли работать вечными компаньонками, сиделками к своей же родне. Да и это положение было весьма зыбким – один слушок или полунамек о твоём происхождении – и бывшая сердобольная родня дез зазрения совести даёт тебе расчет, еще и упрекая в том, что сами едва не пострадали по твоей вине.

К худу или к добру, но у Шарлотты не было и этого варианта – те немногие оставшиеся родственники со стороны отца были не самыми приятными людьми. А матушка рано осиротела.

Глава 3

В поместье вовсю шли приготовления к наплыву гостей. Домашняя прислуга и несколько нанятых в деревне слуг суетились, проверяя комнаты, носясь по этажам со стопками чистого постельного белья, на кухне готовился целый пир, а в гостиной и больших залах леди Селеста, облаченная в тонкий халатик, лишь подчёркивающий ее прелести, указывала двум служанкам и лакею, куда стоит поставить вазы с цветами, куда передвинуть мебель, освободив больше места для танцев.

— А в дальней гостиной мы сделаем карточную для наших мужчин — ее нежный лобик нахмурился — жаль, что кроме нас в постели им нужны ещё и другие развлечения, верно, девушки? — она засмеялась собственной шутке, а служанки покраснели от смущения, даже лакей нервно переминался с ноги на ногу — в первый раз молодой человек видел женщину, столь откровенную в разговоре, и притом, она уже успела провести рукой по его ягодицам, словно ненароком. Юношу смущала такая развязность. Да и все ее одеяние, вернее, его отсутствие...

Эдвин, проснувшись в кровати, нащупал женскую фигуру подле себя — он хотел притянуть ее к себе, но дама была не из хрупких созданий. Эдвин привстал, с трудом разлепив глаза — обнаженная Луиза Биксли, едва прикрытая тонкой простынью, тихо похрапывала рядом. Чуть поотдаль, на подушке разметались тёмно-коричневые волосы горничной — та, тоже полностью раздетая, спала, обняв подушку. А у него, судя по всему, была весьма занимательная ночь. Жаль, что он ничего не помнит из нее — в последнее время такое случалось с ним все чаще, когда он не в меру отдавал должное дарам Бахуса. Еще и служанку соблазнил — он бы постыдился, будь в нем хоть капля порядочности. Едкий смешок едва не заставил голову треснуть напополам.